

Константинова Алина

«Сердце в студию!»

Алина Константинова

Сердце в студию!

«Автор»

2026

Константинова А.

Сердце в студию! / А. Константинова — «Автор», 2026

Она — ведущая самого громкого шоу страны, где мужчины и женщины ищут любовь в прямом эфире. Она знает, как выглядит настоящая химия на экране, и давно не верит, что она бывает за кадром. Её собственная жизнь — тайная и неудобная: роман с продюсером шоу, мужчиной, у которого есть жена, двое детей и безупречная квартира, где пахнет домом. Но уйти от мужчины, который не хочет её отпускать, — это только половина пути. Нужно ещё научиться жить без роли, без монтажа, без чужого сценария. А для этого придётся выйти в новый эфир — и, возможно, впервые позволить себе быть не ведущей, а той, кого выбирают по-настоящему. Даже если этот выбор прозвучит на глазах у всей страны.

© Константинова А., 2026

© Автор, 2026

Алина Константинова

Сердце в студию!

Глава 1

Глава 1

«Не бывает так хорошо», — подумала она.

Глаза работали, как две камеры на разных режимах: одна ловила каждое его движение, другая — статику. Из этой разницы рождался смысл. Он поцеловал её снова — и время сменило формат: из двадцати четырёх кадров в секунду в стоп-кадр. Остались тепло, тень ресниц и то, как мир перестаёт быть шумным. Монтировать не хотелось. Ни вырезать лишнее, ни искать ритм. Пусть кадр останется как есть: неровный, неидеальный.

Это не походило на сцену из шоу. Там всё прописано: паузы, взгляды, даже случайные прикосновения. Здесь сценария не было. Только два человека, которые нашли друг в друге то, чего не было в кадре. Она чувствовала, как её границы становятся мягче — не потому, что он их ломал, а потому, что она сама разрешила им быть не такими жёсткими.

Когда они остановились и посмотрели друг на друга, в этом взгляде было облегчение — как после долгого подъёма, когда наконец можно выпрямиться. Напряжение, копившееся год, нашло выход. Прямо здесь, в кабинете продюсера, среди папок, сценариев и остывшего кофе. Айя знала, что это не вписывается ни в график, ни в правила. Но они хотели этого слишком долго.

Год. Триста шестьдесят пять дней эфиров, тысячи дублей, сотни взглядов — и ни одного такого. Без камеры. Без суфлёра. Без монтажа.

Он сидел на краю стола — того самого, где они утверждали сценарии, спорили о рейтингах, ставили галочки напротив пунктов плана. За этим столом он был продюсером, она — ведущей. Сейчас стол оставался просто столом: ни пьедестала, ни барьера, ни границы между ролями.

Она стояла напротив. Между ними оставалось полшага. Этот зазор тянулся дольше всего пути, который они прошли за год.

— Айя, — сказал он. Не с интонацией срочного брифинга, не с нажимом — просто её имя. Так, будто он впервые произнёс его не как часть рабочего процесса, а как что-то отдельное, своё.

Она не ответила. Слова сейчас были лишними — они тянули обратно, туда, где нужно держать дистанцию, подбирать формулировки, ставить акценты. Словами она управляла эфиром. Словами выстраивала границы. Словами говорила «нет», когда внутри всё кричало «да».

«Я так давно влюблена в него», — подумала Айя, глядя в его глаза.

Зелёные. Не изумрудные — это слово она ненавидела, оно пахло глянцем. Не малахитовые — слишком музейно. Не бутылочные — пошло. Цвета, для которого не было термина: кто-то взял хвою после дождя и подержал над ней серое питерское небо. Или — вода в озере, куда не доходит солнце. Глубокие. Не яркие. Такие, в которые смотришь — и не понимаешь, что видишь. Отражение? Дно? Себя?

Она знала этот взгляд. Год знала. Смотрела в него на планёрках, в аппаратной, в коридорах — и каждый раз отводила свой. Потому что если не отвести — можно провалиться. Как в омут. Только омут был тёплый. И это пугало сильнее, чем холод.

Он был красив. Не той красотой, которую показывают в кадре. Той, которую прячут. Высокий, с манерой стоять расслабленно — будто он всегда знает, что происходит за спиной. Рубашка дорогая, без логотипов. Часы — из тех, что не бросаются в глаза, но стоят как машина. Он ничего не выставял напоказ. И от этого становился ещё дальше — не за кадром, а за стеклом.

— Айя, — сказал он снова.

Влад смотрел на неё — и в этом взгляде не было ничего рабочего. Ни «нам нужно обсудить рейтинги». Ни «ты опоздала на брифинг». Только она. Её лицо. Глаза — голубые, без глубины, как вода в бассейне под лампами. Прозрачные. Живые.

«Самая красивая», — подумал он. Не «самая умная». Не «самая талантливая». Хотя всё это было правдой. Просто — самая красивая. Не для камеры. Не для зрителей. Не для рейтингов. Для него.

Он смотрел — и думал: «Я отказывал ей».

Много раз. Когда она задерживалась в кабинете после планёрки. Когда приносила правки в сценарий, которые можно было отправить по почте. Когда смотрела на него чуть дольше, чем позволял протокол. Когда говорила «останься» — не словами, паузой.

Он отказывал. Молча. Взглядом, который говорил: «Не сейчас. Не здесь. Не мы».

Потому что жена. Потому что дети. Потому что квартира, где пахнет домом. Потому что, если переступить — обратно уже не будет. Он держался. Как за перила. Как за суфлёра. Как за то, что не даёт упасть, а сегодня — не смог.

Не потому, что она сделала что-то особенное. Не потому, что был повод. Просто в какой-то момент он перестал держаться за перила. Отпустил.

«Я отказывал ей», — подумал он снова. И в этой мысли не было гордости. Только усталость. И что-то ещё — облегчение. Как будто он годами стоял на посту, а теперь наконец смешился с дежурства.

Он взял её руку. Сжал. Не для того, чтобы удержать. Для того, чтобы сказать: «Я здесь. Я больше не отказываю».

— Я люблю тебя, — сказал он.

Не шёпотом, не с надрывом — как говорят о том, что знали давно и просто забыли сказать вслух. Она подняла глаза. Голубые, прозрачные, живые — без страха, без вопроса.

— И я тебя люблю, — сказала она. — Больше, чем думала, что умею.

Он вдохнул, чтобы сказать, — и не нашёл, что. Что год молчал не потому, что не любил. Что каждое утро за рулём он думал о ней — и каждый вечер заставлял себя не думать.

— Тебе пора домой, — сказала Айя. — К жене. Уже поздно.

Он не спорил. Не сказал «ещё минуту». Не потянулся к ней снова. Кивнул — коротко. Она сказала то, что он знал сам. Встал. Поправил рубашку. Пуговицы — не все на месте. Одну он так и не нашёл.

Айя смотрела, как он одевается. Без «прости». Без «я позвоню». Без обещаний.

— Ты готова к новому шоу? — спросил он.

Голос ровный, рабочий — как у человека, который не говорил ничего другого.

— Почти, — сказала она.

Он кивнул. Посмотрел на неё — долго, без улыбки.

— Как лучше? — спросил он. — «Сердце в студию!» или «Сердце вдребезги»?

Айя моргнула — один раз, нарочно медленно, как будто ставила точку в предыдущей сцене. И только потом заговорила:

— «Сердце вдребезги» — не уникально. Это название активно используется в разных форматах: книги, фильмы, сериалы.

— Значит «Сердце в студию!».

— Да. Название сразу говорит: это про шоу, про эфир, про публичность — и про то, что за этим фасадом прячется что-то настоящее.

Он не сказал «я люблю тебя» во второй раз. Не сказал «я останусь». Не сказал «всё будет хорошо».

— Иди, — сказала она.

Он кивнул. Отпустил её руку. Пальцы разошлись не сразу: сначала большой, потом указательный, потом остальные, — и каждый оставлял на её ладони чуть тёплое пятно, которое гасло. Он вышел. Дверь закрылась без хлопка: он придержал её — ровно настолько, чтобы не спугнуть то, что осталось в кабинете после него. Замок щёлкнул не сразу. Секунда, другая — и только потом.

Она — ведущая. Её работа: быть эмоциональной по расписанию. Улыбаться в час улыбки. Грустить, когда требует сценарий. Задавать вопросы, ответ на которые уже лежит в суфлёрской будке. Она давно не различает, где кончается роль и начинается та, которая её играет.

«Я уже нарушила правила. Я уже сказала «я люблю тебя». Я уже позволила себе быть уязвимой...»